

— Пустая болтовня, — рассмеялся Сяо Юйшань и спросил его:

— Твой учитель знает мирские дела, но не подчиняется им. Ты с детства находился рядом с ним, почему же усвоил только первую половину его учения?

— Ваше величество, вы ошибаетесь. Одно зерно может взрастить сотню разных людей, — Чу Циюнь отложил палочки, собравшись с духом, чтобы хорошенько поспорить. — Как говорится, у дракона девять сыновей, и все они разные. Что уж говорить о нас, простых смертных?

Сяо Юйшань считал себя искусным в словесных баталиях, но каждый раз, сталкиваясь с Чу Циюнем, неизменно оказывался в проигрыше — поистине встретил своего сужденного преграду. Тогда он сделал лицо, подобное нефритовой скульптуре, и нарочито сказал:

— Еда не может заткнуть тебе рот!

— Но ваше величество может...

В этот момент Чу Циюнь приткнулся к его губам, язык скользнул по зубам, подобным ракушкам, проник за зубы, слившись с его губами и языком. Ответ Сяо Юйшаня превратил простой поцелуй в настоящую дуэль; в погоне языков они оба оказались на лежаке.

Спину Чу Циюня болезненно вдавили резные узоры из грушевого дерева, пока он держал лицо Сяо Юйшаня, подобное резному нефриту, и большим пальцем гладил тот шрам, что напоминал ямочку улыбки.

Сяо Юйшань повернул лицо, позволяя теплу его ладони проникнуть в щеку, с нежностью и покорностью, словно ленивый кот:

— Этот шрам-улыбку, что ты мне подарил, похоже, останется со мной на всю жизнь.

— Разве это плохо? — Чу Циюнь вглядывался в него, полный искренней привязанности. — Жизнь так длинна, нужно оставлять следы, чтобы помнить.

— Это действительно несправедливо. Что я должен оставить, чтобы ты запомнил меня на всю жизнь? — Сяо Юйшань наклонился, опустив взор, его длинные пальцы скользили по выразительным, резким чертам лица Чу Циюня, снова и снова, словно рисуя картину. — В качестве компенсации, как насчёт...

— Как насчёт чего? — Услышав изменение тона, Чу Циюнь почувствовал неладное.

— Как насчёт того, чтобы я был сверху!

В тот же миг Сяо Юйшань резко дернул пояс Чу Циюня, и тотчас его одежда распахнулась, обнажив белую нижнюю рубашку.

— Хорошо, хорошо, — Чу Циюнь с нежностью обнял Сяо Юйшаня за талию, слегка потянул его ближе и, приподнявшись, прошептал ему на ухо:

— Ваше величество, ваше величие устрашает, и я, скромный даос, не смею ослушаться.

Горячее дыхание обдало ухо Сяо Юйшаня, и он, будучи крайне чувствительным к щекотке, невольно втянул шею. В этот миг рассеянности он почувствовал, как мир перевернулся, и в следующее мгновение оказался прижат под Чу Циюнем.

— Ты, лживый болтун, знаешь ли, что совершил преступление, обманув императора? — Сяо Юйшань хотел гневно упрекнуть его за нарушение обещания, но, открыв рот, рассмеялся. В его глазах сверкали искры, словно блики на воде, создавая очаровательный образ.

— Я полагаю, что слова «обмануть императора» нужно понимать буквально, — Чу Циюнь поднял бровь, его лицо, казалось бы, созданное для святости, выражало непокорность. — Обмануть императора — значит подчинить его себе.

— Преступление «обмана императора» я совершил уже сотню раз, и этот раз не станет исключением.

Тело Сяо Юйшаня было охвачено огнём, а в словесной перепалке он не мог взять верх. С досадой он сказал:

— Ты, мастер пустых слов! Я должен назначить тебя чиновником, чтобы ты каждый день спорил со старыми министрами и сточил свои зубы, пока они не сгладятся... Мм!

Чу Циюнь захватил губу Сяо Юйшаня, слегка укусив, чтобы остановить его:

— Если ваше величество ещё может говорить, значит, я плохо служу.

Влажное тепло разлилось в его ладони, и Чу Циюнь усмехнулся:

— Ты уже получил удовольствие, теперь дай мне что-нибудь взамен.

— Юйнур, позволь мне позаботиться о тебе.

Сяо Юйшань снова услышал, как его называют детским именем, и, не в силах сдержать гнев, попытался подняться, но был прижат обратно к лежаку. В следующее мгновение что-то острое вошло в него, весьма грубо.

Чу Циюнь наслаждался, на мгновение забывшись, и, подражая позе всадника, хрипло спросил:

— Тебе не нравится это?

Брови Сяо Юйшаня слегка сдвинулись, его глаза и уголки губ покраснели, создавая образ, полный весеннего томления. Несмотря на это, он стиснул зубы, одной рукой удерживаясь на лежаке, а другой обхватив шею Чу Циюня, и грозно предупредил:

— Не нравится.

Слово «Юйнур» не было детским прозвищем, а настоящим именем императора до шести лет. История этого имени была полна событий.

Дело в том, что судьба Сяо Юйшаня была слишком удачливой. Он родился в утробе императрицы и ещё до рождения был назначен наследником престола. После рождения он отличался от других детей не только чистым плачем, подобным пению птиц, но и чертами лица, которые превосходили всех младенцев, которых император когда-либо видел.

Имея такого сына, император был в восторге, но императрица временами вздыхала. Император не понимал и спросил о причине, на что императрица ответила:

— Ребёнок слишком слаб, боюсь, он не сможет вынести такую судьбу, и в будущем его ждут болезни и несчастья.

Существовало поверье, что красивые дети не живут долго, и это убеждение было распространено не только среди простого народа, но и среди знати.

Император долго размышлял и, следуя народному обычаю, дал своему сыну простое имя — так «Юйну» стало именем Сяо Юйшаня до шести лет.

В тот год Сяо Юйшань тяжело заболел, у него была высокая температура. Императрица плакала день и ночь, а император, не зная, что делать, вопреки советам министров, отправил маленького наследника в храм Сюйхэ, чтобы старый даос Цанъян дал ему лекарство. Хотя Цанъян не хотел вмешиваться в дворцовые интриги, он был добрым человеком и, пожалев ребёнка, оставил его у себя, попросив императора вернуться и забрать наследника через полмесяца.

В то время за Сяо Юйшанем ухаживали, помимо Цанъяна, только десятилетний Чу Циюнь. Чу Циюнь до пяти лет скитался, прося милостыню, пока его не нашёл Цанъян, и с пяти лет жил в храме, окружённый старшими братьями, даже не помня, как выглядит девочка.

Тогда, увидев спящего Сяо Юйшаня, он подумал, что это дочь богатой семьи, которую привезли на лечение. Ночью, выполняя поручение, он держал красную свечу и внимательно разглядывал ещё не сформировавшееся лицо Сяо Юйшаня — хотя оно ещё не сформировалось, уже было видно, что оно станет привлекательным, словно жемчужина или нефрит.

Чу Циюнь застыл, свеча наклонилась, и капли воска упали на его руку, причинив боль, и он начал трясти рукой.

Но эта серия движений едва не привела к катастрофе — искры упали на белоснежную щёку Сяо Юйшаня, оставив ожог.

Что делать? Чу Циюнь до сих пор помнит, как он запаниковал той ночью, наполовину из страха перед наказанием учителя, наполовину из-за чувства вины за то, что испортил лицо девушки.

Внезапно Чу Циюнь перевернул Сяо Юйшаня, обнял его и снова коснулся правой щеки, поглаживая слабый шрам. Сяо Юйшань всё ещё злился из-за того, что он снова вспомнил его детское имя, и оставил кровавый след на шее Чу Циюня.

Его покорность всегда обманывала, забывая, что любой, кто может стать императором, — волк.

Чу Циюнь большим пальцем погладил тонкие губы Сяо Юйшаня и серьёзно сказал:

— Покойный император говорил, что я твой благодетель.

— И вот так ты благодаришь своего сужденного благодетеля, а?

Сяо Юйшань вскрикнул, его взгляд был рассеян, словно луна, скрытая облаками, а в глазах стояли слёзы, подобные весеннему дождю. Даже в этот момент он не собирался уступить и ответил:

— Ты... ты нашёл своего благодетеля слишком дёшево.

Тогда Чу Циюнь, уронив искру, обжёг его лицо, испортив совершенный облик. Узнав об этом, император не разгневался, а, наоборот, обрадовался, сказав, что его сын встретил сужденного благодетеля, и гора Дунли действительно благословенное место.

Согласно поверью, испорченный облик означал, что беда миновала, и больше не нужно было бояться, что судьба не выдержит красоты и власти.

С тех пор имя «Юйнур» больше не использовалось, и император изменил его на «Юйшань», что соответствовало строке: «Человек, подобный горе Юйшань, светит, освещая других».

Когда Сяо Юйшань снова пришёл в себя, Чу Циюнь уже наслаждался и, обняв его, шептал ему на ухо. Несгибаемый характер Сяо Юйшаня проявился снова, и он, дёргая рассыпавшиеся волосы Чу Циюня, угрожал:

— Если осмелишься ещё раз говорить глупости, сегодня вечером не получишь ни кусочка еды.

— Не поем, так не поем, — Чу Циюнь улыбнулся с лёгкостью, силой рук подняв Сяо Юйшаня на руки. — Если вечером не будет еды, сейчас нужно насытиться. Иначе, если слухи дойдут до людей, они посмеются, что ваше величество плохо обращается с сужденным благодетелем!

— Ты меня...

— На этот раз позвольте вашему величеству быть сверху.

— Такой верх мне не нужен, прекрати сейчас же!

«Юйнур» (Нефритовый раб) — детское имя Сяо Юйшаня, означающее «Нефритовый раб» или «Нефритовое дитя». Давалось как «простое» имя, чтобы обмануть злых духов и защитить ребёнка с чересчур удачной судьбой. В шесть лет, после инцидента с ожогом, который был истолкован как «снятие порчи», имя сменили на «Юйшань» (Нефритовая гора) — «Нефритовая гора», отсылающее к поэтическому образу благородного человека.

<http://bllate.org/book/16210/1455317>